

УДК 81'27
ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.47

КОД ВАК 10.02.19

Э. Н. ШУМСКАЯ

Костанай, Казахстан

**ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ
СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ЛИТЕРАТУРА»
В РУССКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
КАЗАХСТАНА**

Аннотация. Рассматриваются прецедентные феномены (имена, цитаты, аллюзии и т. д.), характерные для русскоязычного политического дискурса Казахстана. Устанавливается, что излюбленные источники прецедентности – произведения классической русской и западноевропейской литературы, в особенности сатирические.

Ключевые слова: прецедентный феномен; политический дискурс; культурная информация; сатира.

E. N. SHUMSKAYA

Kostanay, Kazakhstan

**PRECEDENT PHENOMENA WITH THE SOURCE-SPHERE
«LITERATURE» IN THE RUSSIAN LANGUAGE
POLITICAL DISCOURSE IN KAZAKHSTAN**

Abstract: Precedent phenomena (names, quotations, allusions and others), characteristic of the Russian language political discourse of Kazakhstan are in the focus of the article. It is stated that the favorite sources of precedent phenomena are works of Russian classical literature and West-European literature, especially satirical.

Key words: precedent phenomenon; political discourse; cultural information; satire.

В изучении прецедентных феноменов сложилась устойчивая традиция рассматривать их в качестве единиц, в значительной степени «насыщенных» культурной информацией и национально детерминирующих культурное пространство, способных выполнять «языка» культуры» [Маслова 2001: 30]. В установлении границ термина «прецедентные феномены» мы придерживаемся определения, данного В. В. Красных, Д. Б. Гудковым, И. В. Захаренко, в основе которого лежит дефиниция Ю. Н. Караулова: «значимые для той или иной лич-

ности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому кругу данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 216, Красных и др. 1997: 64]. Также мы принимаем уточнение Д. Б. Гудкова, касающееся статуса прецедентных феноменов, который может быть присвоен только таким прецедентам, которые, будучи когнитивно значимыми, имеют вербальное выражение [Гудков 2003: 104–105], в отличие от широкого понимания прецедентного текста Ю. Н. Карауловым [Караулов 1987], включающим в его разряд и несловесные тексты (произведения музыки и живописи). Актуальным, с нашей точки зрения, является определение ПФ, данное Н. Н. Клочко и К. А. Самойловой: «прецедентные феномены – явление, безусловно, ярко культурно маркированное, понятное носителям одной культуры и, возможно, абсолютно закрытое в семантическом плане для представителей другой культуры» [Клочко, Самойлова 2003: 75]. С учетом всех мнений складывается следующее определение: прецедентные феномены – это имеющие вербальное выражение единицы, известные значительной части представителей лингвокультурного сообщества; актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане; обращение к которым обнаруживается в речи представителей того или иного лингвокультурного сообщества и может быть противопоставлено в дискурсном пространстве разных стран.

Исследуя прецедентные феномены русскоязычного политического дискурса Казахстана, мы анализировали их с учетом сферы культурного знания, к которой они принадлежат. Данный подход отражают работы Е. А. Земской, Г. Г. Слышкина, А. Е. Супруна, Р. Л. Смулаковской, Е. А. Нахимовой, С. Л. Кушнерук. Учитывая предложенные ими классификации и конкретные материалы казахстанских СМИ, мы выделили следующие сферы-источники прецедентности: литература, фольклор, мифология, библия, кинематограф, мультипликация, телепроекты, песни (классификация будет уточняться в ходе дальнейшей выборки).

Наиболее частотным источником прецедентных феноменов является сфера «Литература» (16%). Казахские авторы, пишущие на русском языке, апеллируют к произведениям русских (54%) и зарубежных (по отношению к Казахстану и к России) (43%) писателей, реже к произведениям казахских

авторов (3%). Такое распределение объясняется, во-первых, тем, что анализируемый политический дискурс – русскоязычный; во-вторых, тем, что русский язык в Казахстане имеет статус языка международного общения и, реализуя оценочную функцию, он является основой когнитивной базы для создания прецедентных феноменов; в-третьих, тем, что Казахстан, являясь частью Советского Союза, когда-то входил в общее с Россией культурное пространство, что позволяет сегодня казахстанцам легко «опознавать» культурные знаки русской и советской культуры. Тот факт, что зарубежная литература занимает второе место в кодировании и трансформировании информации, кроме общего культурного, объясняется еще и образовательным пространством (представители старшего поколения и молодежь не только легко воспринимают подобные реминисценции, поскольку обладают соответствующими фоновыми знаниями, но и сами продуцируют их). Е. И. Нахимова в статье «Зарубежные прецедентные имена в отечественных СМИ» отмечает, что «данный параметр важен как своего рода отражение ментальности автора, его предрасположенности к использованию зарубежного опыта» [Нахимова 2005: 371].

Рассмотрим конкретные закономерности использования прецедентных феноменов в казахстанской прессе. Показательно, что в 2009 году самыми распространенными в казахстанских СМИ стали прецедентные феномены, восходящие к творчеству Аркадия Гайдара. Большинство из них связаны с повестью «Тимур и его команда». Использованию этого названия способствует имя достаточно весомой фигуры на казахстанской политической арене, претендента на место первого заместителя главы правительства республики Казахстан, мужа средней дочери президента Нурсултана Назарбаева – Тимура Кулибаева: «Что **«Тимуру и его команде»** хорошо, то Келимбетову «смерть». («Республика», 11.12.2009). «2:0 в пользу **«тимуровцев»**» («Республика», 06.02.2009). «Кругом одни **«тимуровцы»**?!» («Республика», 23.01.2009). **«Тимуровцы»**, по слухам, готовятся дать бой «евразийцам» за влияние на «Ак орду» и экономику» («Голос республики», 27.11.2009). «Тем более что освободившееся кресло президента нацкомпании «КЕГОК» досталось Алмасадаму Саткалиеву, даже поверхностное изучение биографии которого свидетельствует, что и он из гнезда **«тимуровцев»**». («Республика», 11.12.2009) Как правило, заголовок является единственным ПФ в предлагаемых читателю статьях и заметках о переформировании правительства и смене премьер-министра. Прецедентное имя героя А. Гайдара

вызывает стойкую ассоциацию с бескорыстием и помощью, служит символом положительных качеств яркого представителя пионерской организации. Имя Тимура Кулибаева, напротив, порождает другую ассоциацию – с широко известной в истории личностью, завоевателем Центральной Азии, правнуком одного из министров Чингисхана, Тимуром, более известным под именем Тамерлана (1336-1405). Это имя служит символом военной мощи, смелости, отваги и жестокости (в переводе с тюркского имя Тимур означает «жестокий», в переводе с монгольского – «железный», ср. с казахским «темір» – железный). Контраст усиливает и внешность Т. Кулибаева – благообразная, выражающая участие и склонность помочь окружающим, что делает процесс декодирования информации, содержащейся в прецедентном имени, более сложным и интересным.

В рамках политического дискурса современного Казахстана оказалось востребованным творчество А. Дюма. Это относится, в частности, к названию второй части знаменитой трилогии «Мушкетеры двадцать лет спустя». Так, в еженедельнике «Взгляд» под заголовком «*Назарбаев. 20 лет спустя*» были опубликованы материалы круглого стола на тему «Двадцатилетие правления Нурсултана Назарбаева: Слово и дело, или Обманутые надежды» (12.06.2009). Первая часть названия способствует проведению аналогии «Назарбаев – мушкетеры»: герои книги – смелые, мужественные люди, совершающие героические поступки, того же ждут и от действующего президента. В данном случае прецедентность снова подчеркивает контрастность между желаемым (новый лидер нации) и возможным (бессменный лидер нации). О том же статья «*Двадцать лет спустя*», напечатанная в анализируемом издании тремя месяцами ранее («Взгляд», 20.03.2009), – перед нами размышления казахстанского политолога Николая Кузьмина о видении последних отечественных тенденций развития политической жизни в стране.

Востребованность в казахстанской прессе хрестоматийной фразы А. С. Грибоедова «А судьи кто?» объясняется волной судебных разбирательств между органами государственной власти и банкирами, обвиненными в создании и руководстве организованной преступной группой и легализации денежных средств, приобретенных незаконным способом: «*А судьи кто?*» («Взгляд», 10.04.2009). В разных вариациях она также встречается в материалах о забастовке рабочих АО «Ырысты-АЭВРЗ» и их административном и уголовном преследовании: «*А судьи что?*» («Взгляд», 11.09.2009), «*А судья кто?*»

(«Свобода слова», 12.11.2009). Во всех приведенных в пример материалах формируется негативное отношение к уголовно-административной и судебной системе: «...*Прокуратура здесь – лицо заинтересованное, представляющее одну из сторон конфликта – власть. На кону репутация правительства Масимова, и не только его*» («Взгляд», 10.04.2009). Усеченный вариант фразы «**Служить бы рад...**» выступает заголовком в интервью, данным бывшим главой БТА Банка Мухтаром Аблязовым газете «Взгляд» (27.02.2009) и полностью соответствует общепринятому смыслу выражения. Еще одна фраза, выразившая чаяния мечтающих об отдыхе казахстанцев и не имеющих возможности отдохнуть так, как им бы хотелось, вынесена в заголовок «**В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов**», – *порыв классика особенно актуален в век хронического стресса* («Взгляд», 16.07.2010) и распространяется в тексте утверждениями о пользе деревенского отпуска. И, наконец, хрестоматийная фраза Молчалина «В мои лета не должно сметь / Свое суждение иметь» трансформировалась в заголовок «**Не смей иное мнение иметь?!**» («Республика», 03.04.2009) в материале о спорном авторстве письма, размещенного на интернет-сайте якобы студентом КИМЭП.

Множеству трансформаций подвергается всемирно известная фраза из трагедии У. Шекспира «Гамлет, принц Датский» – «Быть или не быть...». Почти все примеры ее употребления усеченные, вторая часть «...вот в чем вопрос» в большинстве примеров отсутствует, элементы первой части подвергаются лексической замене и дополнению: «**Быть или не быть РК председателем ОБСЕ?**» («Взгляд», 25.09.2009), «**Братъ или не братъ?** Эксперты считают, настало время приобретать недвижимость» («Взгляд», 09.10.2009). «**Евгений Жовтис выполнил свой моральный долг перед семьей погибшего. Ему жить с этим бременем. А убедить общество в виновности или невиновности правозащитника – это обязанность суда. Объективного, открытого и беспристрастного суда. Верить или не верить? Вот в чем вопрос.**» («Взгляд», 04.09.2009), «**Жить или не жить?** У экс-главы «Казатомпрома» в любой момент может быть инсульт» («Взгляд», 16.10.2009), «**Митинговать или не митинговать?** Оппозиция пыталась сократить разрыв между властью и народом» («Взгляд», 02.10.2009), «**Голодать или не голодать в знак протеста против доктрины, в ОСДП «Азат» еще не решили**» («Республика», 04.12.2009). Несмотря на произведенные авторами трансформации, читатель легко воспринимает и усваивает аллюзию.

Закономерным можно считать обращение казахстанских журналистов к роману-антиутопии Джорджа Оруэлла «1984»: **«Большой брат» не спит** («Республика», 27.03.2009); **«Большой брат не смотрит – он слушает. Мажилисмены решили расширить возможности полиции по прослушиванию телефонных переговоров»** («Республика», 30.01.2009); **«А ты, кто, не дай бог, под подушкой прочитает «1984» Оруэлла, анафеме предавать!»** («Взгляд», 26.10.2010); **«Чтобы оруэлловская фраза «Большой Брат следит за тобой» не появилась на стенах каждой казахстанской квартиры, «Республика» будет отстаивать свое право на свободу слова»** («Голос республики», 11.12.2009). В каждом процитированном случае развертывания метафоры в тексте не происходит, в первых двух случаях мы наблюдаем заголовок, который говорит за себя сам, в третьем – перед нами фраза, заключающая колонку главного редактора под названием **«За нами уже пришли!»**, где речь идет о цензурных ограничениях на телевизионную продукцию и формировании художественного вкуса, в четвертом – перед нами подпись под фотографией в репортаже о перформансе **«Разрываем цепи»**, проведенном на алматинском «Арбате» журналистами редакции газеты «Республика» в честь Всемирного дня прав человека. Этим действием они пытались привлечь внимание общества к запрету казахстанских властей печатать издание в типографиях. Аналогия бесспорна.

Парадоксальность освещаемых ситуаций традиционно восходит в сознании журналистов к героям романа М. А. Булгакова **«Мастер и Маргарита»**: **«Живу я тут, починаю примус»** («Взгляд», 15.01.2010) – заголовок материала о намерении ономастической комиссии привлечь к ответственности жителя города Уральска Ануарбека Болдакова, назвавшего улицу в свою честь. «Я шоумен, многие меня знают... Я же не писал на заборе ничего непристойного, только свою фамилию. Живу я тут!», в оригинале: «Не шалю, никого не трогаю, починаю примус». Аналогия возникает не столько на фоне цитирования – налицо полная трансформация («квазичитата» в определении Е. А. Земской), сколько на фоне подчеркнутой абсурдности происходящего. В примерах **«Аннушка масло разлила»** («Республика», 19.07.2010) и **«Итак, Аннушка уже пролила масло. Приглашаем политиков и политологов выразить свое мнение о лидере нации на страницах нашего издания»** («Взгляд», 18.09.2009), напротив, трансформация минимальная (ср. с оригинальным текстом: «Аннушка уже купила подсолнечное масло, и не только купила, но даже разлила»), авторы ста-

тей используют данную ПС в качестве подтверждения свершившихся и очевидных действий главы государства, что создает оптимальные условия для реализации инструментальной и гипотетической функций прецедентного феномена. Следующий пример – заголовок **«Свободен!»** («Взгляд», 08.05.2009) – вызывает в памяти читателя эпизод долгожданного освобождения Понтия Пилата, чему противопоставляется материал о заключении героя книги «Танкисты в боях за Родину» Конона Мацыны, освобождавшего Украину, Польшу и Чехословакию, форсировавшего Вислу и бравшего крупнейшие европейские столицы, включая Берлин. В итоге ветеран, накануне 9 мая в ответ на свою просьбу от председателя местного общества инвалидов, услышал: «Все, свободен! До свидания!». Рассмотренное употребление ПФ формирует определенное эмоциональное отношение к фактам действительности, реализуя, таким образом, его прагматическую функцию. Не менее действенным является нейтральное и беспристрастное освещение событий, когда читатель сам должен уловить намек, подсказкой здесь служит упоминание автора произведения: **«В Костанайской области за взятку осужден районный аким, спрятавший крупную сумму наличности в туалете.** *«Взгляд» не обошел вниманием этот почти **булгаковский** сюжет.* («Взгляд», 11.06.2010). В оригинале: «Запершись у себя в уборной на крючок, он вытащил из портфеля пачку, навязанную переводчиком, и убедился в том, что в ней четыреста рублей. Эту пачку Никанор Иванович завернул в обрывок газеты и засунул в вентиляционный ход».

Фантастический авантюризм, характерный для уверенных в собственной безнаказанности чиновников, можно объяснить только с помощью отсылок к Н. В. Гоголю: *«О том, что в регионах борьба с реальной безработицей подменилась организацией мини-фабрик по производству **«мертвых душ»**, свидетельствуют материалы наших корреспондентов»* («Взгляд», 20.11.2009). Речь идет об общегосударственной программе, согласно которой на благоустройство городских дорог и создание рабочих мест отводились бюджетные средства, распределением которых на местах занимались сотрудники акиматов и местные предприниматели. Материал под заголовком «Крапленая карта страны», подготовленный А. Барановым и В. Фор, разоблачает преступления, совершенные чиновниками Южного Казахстана в ходе реализации программы: *«Так, в Ордабасинском районе **«чичиковы»** из местного отдела занятости включили в список трудоустроенных 11 человек, которые и понятия не имели, что*

такое «Дорожная карта» («Взгляд», 20.11.2009). Аналогия с известным литературным сюжетом заглавием не задается, а возникает в качестве оценки действий чиновников авторами статьи трижды: вначале, середине и в конце повествования. «Акиму Тайыншинского района и вовсе светит уголовное преследование за создание студенческой бригады **«мертвых душ»**. Работникам ставили липовые восьмерки, а деньги утекали в карман акима». Другие случаи употребления данного ПФ гоголевского произведения: «**Мертвые души избирателей**» («Взгляд», 21.08.2009) – заметка корреспондента газеты «Взгляд» К. Иманбердиева называется «Два партийца на одно кресло»; под «мертвыми душами» понимаются несуществующие избиратели, обеспечившие перевес голосов на выборах кандидата в сенат парламента РК: «**Жалагашская прокуратура, проверив списки избирателей 9 из 12 участков, вычеркнула из них около 800 «мертвых душ»**». В другой заметке «**Скоро очередь дойдет и до борзых щенков**» («Взгляд», 03.07.2009) повествуется об «освоении нетрадиционных видов взятки» – просьбе сотрудника Управления окружающей среды собрать мебель для его родственников. «Обыватели же судачат: не за горами тот день, когда по примеру гоголевского Ноздрева чиновники начнут брать взятки борзыми щенками». «**Ак Орда приговорила сама себя**» («Взгляд», 23.10.2009). Отсылка читателя к источнику осуществляется в заголовке и в последнем предложении.

Многочисленность обращений к романам И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» объясняется наличием широко известных и популярных экранизаций, а также распространенностью данных ПФ не только в рамках политического дискурса. Журналисты воспроизводят имя Остапа Бендера тогда, когда речь идет о мошенничестве: «**Внучка великого комбинатора**» («Свобода слова», 05.11.2009) – под интригующим названием обнаруживается материал о махинациях с квартирами. Еще одна отсылка к главному герою содержится в самом начале заметки: «**Остапгуль Бендербаева** – наверное, так должны были назвать родители кызылординскую авантюристку». В материалах на политические темы упоминается «способность» главного героя изыскивать способы честного отъема денег у населения: «**Эта сумма заставляет государственных мужей шевелить извилинами и придумывать новые схемы сравнительно честного отъема денег у населения**» («Свобода слова», 05.11.2009). Высокочастотными являются фразы «Заграница нам поможет», «Почем опиум для народа?», «...утром – деньги, вечером – стулья...», «Лед тронул-

ся!», «Эх, прокачу!» и «Остапа несло»: **«Заграница нам не поможет!»** («Взгляд», 01.05.2009), **«Заграница нам поможет»** («Взгляд», 25.09.2009), **«Заграница нам поможет?»** («Свобода слова», 05.11.2009); **«Почем ипотека для народа?»** («Взгляд», 16.10.2009), **«Почем нынче нотариус для народа?»** («Взгляд», 25.09.2009), **«Почем опиум для народа?»** («Взгляд», 27.11.2009), **«Почем топливо для народа?»** («Взгляд», 09.10.2009); **«Утром – активы, вечером – квартиры»** («Республика», 30.01.2009), **«Утром кладут, вечером – ломают»** («Взгляд», 07.08.2009), **«Утром – свет, вечером – движение»** («Взгляд», 02.09.2009), **«Утром – деньги, вечером – стулья»** («Взгляд», 04.09.2009); **«Лед тронулся, процесс пошел»** («Взгляд», 27.03.2009), **«Лед» ФНБ тронулся»** («Республика», 23.01.2009). В приведенных примерах наблюдается изменение функциональной модальности, замещение и дополнение, усечение и комбинирование трансформаций, основной принцип подачи материала – карикатурное изображение действительности.

Рассмотренный материал показывает, что чаще журналисты, политики и общественные деятели на страницах русскоязычных казахстанских газет обращаются к прецедентным феноменам, восходящим к прозаическим текстам (66,2%), поэтические строки «вспоминаются» почти вдвое реже (33,8%). Самыми «цитируемыми» авторами оказались И. Ильф и Е. Петров (23%), затем следуют А. С. Пушкин (8%), В. В. Маяковский (7%), Н. В. Гоголь (6%), Н. А. Некрасов (6%), И. А. Крылов (5%), М. Горький (5%), А. С. Грибоедов (3%), М. А. Булгаков (2%), А. Гайдар (2%) и С. Я. Маршак (2%). К текстам прочих авторов восходит около 31% использованных прецедентных феноменов.

Обзор прецедентных феноменов, выявленных в русскоязычных казахстанских СМИ, позволил сделать выводы:

1. Наиболее востребованными источниками ПФ русскоязычного политического дискурса Казахстана являются классические художественные произведения литературы, получившие распространение благодаря современным экранизациям и театральным постановкам, а также их частому воспроизводству в печати.

2. Абсолютное большинство выявленных прецедентных феноменов восходит к русской (54%) и западной (43%) литературе, что объясняется историческими условиями развития казахстанской культуры. Относительно невысокий процент обращений к казахской литературе (3%) объясняется тем, что она,

чаще всего, цитируется в текстах, созданных на казахском языке.

3. Около половины прецедентных феноменов в современных русскоязычных казахстанских СМИ восходят к текстам небольшой группы писателей, среди которых особенно выделяются И. Ильф и Е. Петров, М. А. Булгаков, Н. В. Гоголь, А. Гайдар и Дж. Оруэлл.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие. – М.: МГУ, 2003(а). С. 141-161.

2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. 264 с.

3. Клочко Н. Н., Самойлова К. А. Прагмасемантическая симметрия и асимметрия прецедентных высказываний в чешском и русском политических дискурсах // Современная политическая лингвистика: Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, октябрь 2003 г. – Екатеринбург, 2003. 190 с.

4. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1997. № 3. С. 62-75.

5. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие. – М.: Академия, 2001. 206 с.

6. Нахимова Е. А. О формальных показателях прецедентности антропонима // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Т. 17. 2005а. С. 147-155.